

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ: АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ

HUMANITARIAN INTERVENTION:
ARGUMENTS FOR AND AGAINST

I. Nikiforov

Summary. At present, sovereignty is understood as the autonomy of public authorities in internal affairs and independence from other states in the international arena. The preamble of the UN Charter states that relations between states are based on their sovereign equality. In other words, a state refrains from actions that violate the sovereignty of another state. This approach is well-established both in the academic community and in the practical field of international relations, and it seems to be taken for granted. Recently, however, the phenomenon of humanitarian intervention has emerged in political thought and practice, which strongly undermines the concept of national sovereignty. This article shows that humanitarian intervention makes its absolute nature impossible in the modern world and, despite its debatable legitimacy, is justified both from the point of view of international law and morality.

Keywords: principle of non-intervention, principle of non-use of force, humanitarian intervention, human rights.

Никифоров Илья Евгеньевич

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
i.nikiforov@outlook.com

Аннотация. В настоящее время суверенитет понимается как самостоятельность публичной власти во внутренних делах и независимость от других государств на международной арене. Преамбула устава ООН гласит, что отношения между государствами строятся на основе их суверенного равенства. Иными словами, государство воздерживается от действий, нарушающих суверенитет другого государства. Этот подход устоялся как в научном сообществе, так и в практической области международных отношений, и он кажется самим собой разумеющимся. Однако в последнее время в политической мысли и на практике возникло явление гуманитарной интервенции, которое сильно подрывает концепцию национального суверенитета. Данная статья показывает, что гуманитарная интервенция делает невозможным его абсолютный характер в современном мире, и, несмотря на свою спорную легитимность, оправдана как с точки зрения международного права, так и с морали.

Ключевые слова: принцип невмешательства, принцип неприменения силы, гуманитарная интервенция, права человека.

Принципы невмешательства, равноправия государств и неприменения силы неразрывно связаны с таким признаком государства как национальный суверенитет и являются основой международных отношений в настоящее время. Суверенитет получил свое закрепление в международных документах: в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) [1], а также в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [2]. За последние тридцать лет мировое сообщество столкнулось с таким явлением как гуманитарная интервенция. Поэтому вопрос о суверенитете вновь стал актуальным.

Гуманитарная интервенция характеризуется как использование силы «одним или более государствами в пределах территории другого государства с единственной целью остановить или предотвратить крупномасштабные, серьезные нарушения основных прав человека, которые имеют место или совершение которых в ближайшем будущем очевидно, независимо от гражданства, причем к таким правам в особенности относится право индивидов на жизнь в случаях, когда угроза или использование силы осуществляется без предварительного получения полномочий от компетентных органов ООН, либо без разрешения законного правительства

страны, на территории которой интервенция имела место» [3].

Такое вмешательство воспринимается двояко. Его сторонники утверждают, что оно оправдано благодаря особому статусу института прав и свобод человека. В частности, В.А. Карташкин отмечает, что «усилия, предпринимаемые мировым сообществом, отдельными государствами и направленные на соблюдение фундаментальных прав и свобод в глобальном масштабе, не могут рассматриваться как вмешательство во внутренние дела» [4]. А значит, интервенция с целью предотвращения их массового нарушения не может рассматриваться как действие, нарушающее национальный суверенитет.

Другие исследователи, в частности, Ж.К. Шайымбетова, считают ее спорной в легитимном плане и необоснованной с точки зрения права [5]. Это нарушение правила о неприменении силы против другого государства, и как следствие, посягательство на его суверенитет. Профессор Г.П. Ермолович придерживается схожих взглядов. Он полагает, что данная интервенция противоречит такому принципу международного права как невмешательство во внутренние дела государства. Г.П. Ермолович в своей статье «Императивные нормы международного права: миф или реальность?» пишет, что принцип равноправия и самоопределения народов не всегда имеет возможность практической реализации и «там, где такой легальной возможности не было, страны Запада пош-

ли на игнорирование принципа «невмешательства во внутренние дела» и, используя благовидные предлоги в виде «гуманитарной интервенции», нарушили суверенитете Югославии и отторгли Косово» [6].

Гуманитарная интервенция также критикуется за то, что вмешивающиеся под благими намерениями государства на самом деле таким образом продвигают свои политические интересы вместо разрешения гуманитарного кризиса. В частности, американский исследователь Майкл Уолцер в своей статье «Humanitarian Intervention Theory Applied to Multisided Conflicts: A Discussion of Intervention and Self-Determination in the Syrian Civil War» утверждает, что такая ситуация имела место в Сирии. В то время как Россия и Иран поддерживали Асада по своим геополитическим или религиозным мотивам, США, Турция и Саудовская Аравия способствовали свержению режима Асада различными повстанческими группами, которые порой были враждебны друг другу. В результате Сирия стала местом прокси-войны, активированной политическими, экономическими, религиозными и международными интересами [7].

Хотя гуманитарная интервенция и вызывает споры, чаша весов склоняется в пользу сторонников такого вмешательства. Сильным катализатором рассуждений об обоснованности гуманитарной интервенции стала война в Косово, в ходе которой косовские албанцы, будучи этническим меньшинством бывшей Югославии, подверглись этническим чисткам со стороны сербского правительства. Осенью 1998 года Совет Безопасности ООН потребовал от Сербии прекратить нападение на гражданское население Косова, а НАТО пригрозило воздушными ударами. Посредническая сделка провалилась, и 24 марта 1999 года НАТО начала наносить воздушные удары по Сербии, чтобы заставить ее прекратить этнические репрессии. Наземные войска НАТО не использовались. Воздушное нападение включало более 14 000 ударов и продолжалось в течение одиннадцати недель, прежде чем Сербия согласилась вывести войска из Косова. К началу атак НАТО сербские власти вытеснили из Косова около 200 000 этнических албанцев, но после начала бомбардировок темпы и жестокость этнических чисток были увеличены. К концу войны около 750 000 косоваров стали беженцами. Косовская война породила множество споров из-за того, как она велась, особенно из-за того, что НАТО полагалась исключительно на воздушную силу, которая нанесла огромный ущерб инфраструктуре Сербии, серьезно навредив гражданскому населению. НАТО оправдывало преднамеренные атаки на объекты инфраструктуры тем, что они были «двойного назначения», то есть служили как военным, так и гражданским целям. Использование воздушной мощи позволило сербским силам в Косово, которые не могли быть эффективно атакованы высоколетящими самолетами, свободно продолжать этнические чистки, пока длилась

война. Кроме того, сама война велась без поддержки Совета Безопасности ООН, что вызвало критику, будто бы она нарушила международное право. В конечном итоге Сербия передала своего президента Милошевича Суду, но он умер в заключении до завершения судебного разбирательства.

Основной аргумент, с помощью которого оправдывают гуманитарную интервенцию — это факт массовых нарушений прав человека внутри государства. Масштабы таких нарушений настолько колоссальны, что они способны шокировать моральное состояние человечества. «Когда правительство жестоко расправляется со своим собственным народом, — говорит Майкл Уолцер, — мы должны сомневаться в самом существовании политического сообщества, к которому может быть применима идея самоопределения» [8]. Мысль Майкла Уолцера заключается в том, что если государство сознательно нарушает права своих граждан, и если эти нарушения носят массовый и зверский характер, то такое государство больше не представляет права своего населения. Тогда появляется моральная возможность для других государств действовать для защиты прав граждан, нарушенных их же государством. «Не будет слишком большим преувеличением сказать, что самая большая опасность, с которой сталкивается большинство людей в современном мире, исходит от их собственных государств, и главная дилемма международной политики заключается в том, должны ли люди, находящиеся в опасности, быть спасены военными силами извне» [9]. Таким образом, если государство больше не соблюдает права человека (о чем свидетельствуют их массовые нарушения), то оно больше не защищено от вмешательства извне.

Принцип о невмешательстве и принцип отказа от угрозы применения силы закреплены в документах международно-правового характера. Агрессией считаются действия, нарушающие данные принципы. Есть соблазн квалифицировать гуманитарную интервенцию как форму агрессии. Но гуманитарная интервенция, если она оправдана в гуманитарных соображениях, не должна рассматриваться как агрессия, потому что слово «агрессия» носит моральный оттенок и воспринимается как несправедливая война. Однако в случаях массовых нарушений прав человека такая интервенция оправдана. Получается, что принцип отказа от применения силы не носит абсолютного характера и стоит признать, что действия, выглядящие внешне как агрессия, таковой не являются. Более того, правило о недопустимости применения силы не является абсолютным даже с нормативной точки зрения. Помимо правила о самообороне, устав ООН позволяет государствам с разрешения Совета Безопасности ООН применять силу для устранения угрозы международному миру и безопасности. Поскольку масштабные нарушения прав и свобод человека носят насильственный характер, их можно квалифицировать

как вызов международному миру и безопасности. Существуют риски, что данное насилие может затронуть третьи стороны, что только приведет к эскалации конфликта. В таком случае Совет Безопасности уполномочен принять решение о применении силы для ликвидации образовавшейся угрозы, что не будет рассматриваться как агрессия.

Противники гуманитарной интервенции, рассуждая об интервенции в Косово как о незаконной акции, часто ссылаются на то, что она является таковой, поскольку не была санкционирована Советом Безопасности ООН. В частности, Шайымбетова Ж.К. в статье пишет: «Действительно, если происходят массовые и грубые нарушения прав человека в каком-либо государстве и есть основания считать, что его власти причастны к их совершению, а Совет Безопасности из-за применения кем-либо из его постоянных членов права вето не в состоянии предпринять принудительных действий с целью их пресечения, ООН оказывается не на высоте положения. Однако это не может свидетельствовать о том, что принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности устарел. В этой связи следует привести выдержку из работы Н.А. Ушакова, опубликованной еще в 1956 г., касающуюся принципа единогласия в ООН. «В основе принципа единогласия лежит также тот политический факт, что в современных международных отношениях пяти державам — СССР, Китаю, США, Великобритании и Франции — принадлежит ведущая роль и что от их сотрудничества и согласованности их действий главным образом зависит обеспечение и укрепление мира и международной безопасности» [10]. Это положение не менее актуально и в настоящее время. Более того, когда Совет Безопасности не принимает никакого решения в результате, например, вето, то вовсе не доказано, что он не выполняет своих функций по какому-либо делу, так как он функционирует таким образом согласно Уставу ООН. Невозможность принятия решения Советом о применении мер военного характера из-за различия взглядов своих постоянных членов не означает, что любое государство или группа государств вправе самостоятельно начать военные действия против другого государства, считая, что там совершаются тяжкие нарушения прав человека. Это будет нарушением принципа неприменения силы» [11]. Данные рассуждения примечательны тем, что такое вмешательство не критикуется за то, что это гуманитарная интервенция. Получается, что ее критики в принципе не возражают против такой интервенции, если Совет Безопасности своим решением санкционирует применение силы.

Моральные рассуждения о допустимости гуманитарной интервенций на самом деле не такие уж и беспочвенные. ООН создавался как механизм обеспечения мира и недопущения войн в будущем (что нашло отражение в преамбуле Устава ООН. Если страны объединяют

усилия для поддержания международного мира и безопасности, то концепция гуманитарного вмешательства получает дополнительный аргумент в пользу того, что такое гуманитарное вмешательство оправдано. Что важнее: заявленные в преамбуле цели или единогласное согласие постоянных членов Совета Безопасности ООН на возможность применения силы? Можно ли в определенных случаях проигнорировать данное правило? Как поступать в ситуации, если нет единогласного согласия постоянных членов Совбеза ООН, а ситуация требует немедленного вмешательства, чтобы прекратить массовые зверства или угрозу их появления? Промедление в данных вопросах может сильно стоить ООН своего авторитета.

Права человека и вооруженное вмешательство стоит рассматривать как объект и способы защиты. Взгляд через призму «объект-способ защиты» неслучаен, поскольку аналогичная конструкция имеет место в гражданско-процессуальных отношениях: если выбранный способ защиты нарушенного права не может обеспечить его восстановление, это не значит, что нарушенное право не может быть защищено вообще. «Если на стадии принятия иска суд придет к выводу о том, что избранный способ защиты права собственности или другого вещного права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения» [12]. Верховный Суд своим Постановлением подтвердил, что право собственности (пусть даже и нарушенное) имеет большую ценность, чем способ, с помощью которого оно может быть восстановлено. Способ защиты вторичен, право — первичнее. Если рассматривать права человека как объект защиты (а после Второй Мировой войны во всем мире сложился устойчивый консенсус по данному вопросу), а использование вооруженных сил — как способ защиты, то тогда можно прийти к выводу, что права человека благодаря своей ценности всегда будут первичны по отношению к способу их защиты. И санкция Совбеза ООН — далеко не единственный такой способ. Представляется, что данная аналогия может быть применима и к области международного права. По крайней мере, она не противоречит позитивному взгляду на гуманитарную интервенцию. Могут последовать возражения на приведенную аналогию, что гуманитарная интервенция не может рассматриваться как способ защиты, и, следовательно, применяться на практике, поскольку защита должна осуществляться только теми способами, которые действующему праву не противоречат. В противном случае это самоуправство, которое не может быть оправдано никакими благими соображениями. Но даже в таком случае критика гуманитарной интервенции носит следственный характер и ее главный посыл состоит в том, что субъекты международного права должны его соблюдать буквально. Однако в ситуации с массовыми

нарушениями прав человека требуется оперативное вмешательство, а не дискуссия о его целесообразности. В критической ситуации буквальное следование нормам международного права со стороны будет воспринято как саботирование скорейшему достижению мира, что обрекает пострадавшую сторону на еще большие жертвы, и не способствует заявленной ООН цели по поддержанию мира.

Несмотря на спорный статус гуманитарных интервенций, аргументы ее сторонников перевешивают аргументы тех, кто ее не поддерживает. Слабая сторона оппонентов заключается в том, что их доводы носят чисто процессуальный характер и построены на безусловном следовании букве документа. Вмешательство, санкционированное Советом Безопасности, более желательное, так как оно соответствует международному праву и не вызывает споров относительно своей законности.

Но вмешательство без санкции Совбеза ООН эффективнее. Для недопущения большего количества жертв и скорейшего прекращения кровопролития второй вариант предпочтительнее, а это значит, что в исключительных случаях приходится отступить от некоторых положений международного права. Не возражая против интервенции как таковой, аргументы, почему такая идея сама по себе порочна, ими не представлены. Получается, что противники такой интервенции приняли моральную составляющую гуманитарной интервенции. Одного акцентирования на процессуальных моментах недостаточно, чтобы опровергнуть несостоятельность идеи о гуманитарном вмешательстве. Гуманитарная интервенция, несмотря на свой спорный характер, однозначно нарушает суверенитет государства. И в то же время служит напоминанием о том, что в эпоху глобализованного мира национальный суверенитет не носит абсолютный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) [Электронный ресурс] // Веб-сайт ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml#:~:text=Принцип%20суверенного%20равенства%20государств,социального%2C%20политического%20или%20иного%20характера.
2. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901862>, свободный.
3. The Use of Force for Humanitarian Purposes / Enforcement Action for Humanitarian Purposes and Humanitarian Intervention // Advisory Committee on Human Rights and Foreign Policy and Advisory Committee on Issues of Public International Law. Report No. 15. The Hague, 18 June. 1992. P. 4. Цитируется по: Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999. С. 472.
4. В.А. Карташкин. Гуманитарная интервенция в глобализирующемся мире // Юрист — международник — 2003 — №3 — с. 5.
5. Ж.К. Шайымбетова. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право // Московский журнал международного права — 2009 — №3 — с.62.
6. Г.П. Ермолович. Императивные нормы международного права: миф или реальность? // Закон. Право. Государство — 2019 — №4 (24) — с.27
7. Michael Walzer's Humanitarian Intervention Theory Applied to Multisided Conflicts: A Discussion of Intervention and Self-Determination in the Syrian Civil War // Social Sciences. 2020. Vol.9 №4 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2076-0760/9/4/41>, свободный.
8. Michael Walzer, Just and Unjust Wars (New York: Basic Books, 1977), pp. 101, 107.
9. Michael Walzer, Just and Unjust Wars, 3rd edn. (New York: Basic Books, 2000), p. xi.
10. Н.А. Ушаков. Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций. М., 1956. С. 40.
11. Ж.К. Шайымбетова. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право // Московский журнал международного права — 2009 — №3 — с.72–73.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», п.3 // «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]: правовой сайт.

© Никифоров Илья Евгеньевич (i.nikiforov@outlook.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»